

щества, строго говоря, не было. Правда, въ прошломъ столѣтіи выработалась значительная группа людей дворянскаго сословія, считавшихъ себя русскими до мозга костей и патриотами, но предпочитавшихъ французскій языкъ русскому, ходившихъ въ напудренныхъ парикахъ и называвшихъ крестьянъ подлымъ народомъ, выработалось также общественное мнѣніе, но не русско-славянское, а какое-то неопредѣленное, французско-нижегородское, безцвѣтное и безвкусное. Лишь очень недавно, съ сороковыхъ годовъ, русское общество сначала въ лицѣ немногихъ талантливыхъ молодыхъ писателей (Кирѣевскіе, Хомяковъ, К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, Погодинъ — на сѣверѣ Россіи; Н. И. Костомаровъ, Т. Шевченко — на югѣ Россіи), затѣмъ, все въ большемъ и большемъ количествѣ лицъ, стало стремиться къ національному и племенному самосознанію и принялось за изученіе коренныхъ особенностей русской народной жизни и народныхъ преданій.

Въ семидесятыхъ годахъ русское общество выступило самостоятельнымъ дѣятелемъ славянства, нѣкоторое времяшло даже въ разрѣзъ съ правительственнымъ умонастроеніемъ и, наконецъ, увлекло самое правительство въ сферу строго племенныхъ и національныхъ интересовъ, вслѣдствіе чего не только само въ значительной степени націонализировалось, но націонализировало также правительственныя сферы.

Въ настоящее время, когда сосѣдній нѣмецкій народъ одержимъ воинственною горячкой и не разочаровался еще во всѣхъ прелестяхъ бисмарковскаго милитаризма, русскимъ людямъ, сознающимъ народныя нужды, неблагоприятно крупнымъ вмѣшательствомъ въ балканскія дѣла вызывать тяжолоую и кровопролитную европейскую войну. Во всякомъ случаѣ можно кое-что сдѣлать въ отношеніи филантропіи. Не даромъ же извѣстное географическое пространство называютъ „просвѣщенною“ Европой, и не напрасно въ теченіе вѣковъ на европейскомъ континентѣ исповѣдываютъ Евангельское ученіе о человѣколюбіи, о томъ, что homo homini non lupus, sed frater. Какимъ бы колесомъ не гнули прусскіе юнкера свою грудь, какъ бы ни чесались руки у мундирныхъ культуртреговъ, они не могутъ возразить противъ помощи вдовамъ и сиротамъ, гдѣ бы послѣднія не были и какія бы обстоятельства не обездолили ихъ, тѣмъ болѣе не могутъ они принять такую помощь за casus belli.

Разъ признано законнымъ элементарное чувство человѣколюбія, наши славянскіе комитеты должны предпринять что-нибудь для облегченія страданій герцеговинскихъ ополченцевъ, раненныхъ въ бою за отечество, и помочь несчастнымъ жертвамъ цивилизованнаго разбоя — женщинамъ и дѣтямъ, бѣжавшимъ изъ сожженныхъ австрійцами селъ въ неприступныя ущелья Черногоріи.

Австрійскіе раненные солдаты получаютъ медицинское пособіе отъ своего правительства. Герцеговинскіе ополченцы въ случаи болѣзни принуждены прибѣгать къ доморощеннымъ знахарямъ и костоправамъ. Положимъ, что между знахарями встрѣчаются люди довольно искусные въ лѣченіи ранъ домашними средствами, но какъ бы то ни было это лѣченіе первобытное и въ тяжелыхъ случаяхъ пораненія несостоятельное. Опытный врачъ-хирургъ и 5 или 6 сестеръ милосердія, расположенныхъ на черногорской территоріи вблизи театра возстанія, напримѣръ, въ Никшичѣ, гдѣ въ настоящее время находится на излѣченіи извѣстный вожь инсургентовъ, Стоянъ Ковачевичъ, могли бы принести существенную пользу возставшимъ и закрѣпить своимъ присутствіемъ въ южныхъ славянахъ сознаніе въ дѣйствительномъ родственномъ сочувствіи русскаго народа. Славянскимъ комитетамъ въ дѣлѣ организаціи медицинской помощи герцеговинскимъ ополченцамъ, быть можетъ, оказалъ бы содѣйствіе „Красный Крестъ“, учрежденіе въ основаніи своемъ международное, имѣющее цѣлью помогать пострадавшимъ отъ войны, гдѣ бы война не происходила и кто бы ее ни велъ.

Въ особенности была бы полезна матеріальная поддержка хлѣбомъ, или деньгами женщинъ и дѣтей, бѣжавшихъ изъ Далмаціи и Герцеговины въ Черногорію. Князь Николай заявилъ вѣнскому правительству, что онъ не можетъ препятствовать своимъ подданнымъ принимать герцеговинскихъ и далматинскихъ бѣглецовъ. Иностранныя газеты говорятъ, что эти бѣглецы потеряли

Нѣсколько замѣчаній по поводу послѣдняго засѣданія петербургскаго славянскаго благотворительнаго общества.

Англійское, французское, германское и италіанское общества мира и свободы, по газетнымъ извѣстіямъ, требуютъ прекращенія позорящей современной цивилизаціи бойни герцеговинскихъ славянъ, защищающихъ драгоценныя стороны своей національности, свободу вѣры, богослуженія и языка.

Чѣмъ же заявили себя славянскія благотворительныя общества въ Россіи, поставившія задачей быть посредниками между юго-западнымъ славянствомъ и русскимъ народомъ и призванныя всѣмъ прошлымъ русской страны стоять на сторожѣ національныхъ и духовно-нравственныхъ интересовъ южныхъ славянъ?

На дняхъ было засѣданіе петербургскаго отдѣла славянскаго благотворительнаго комитета, принимавшаго пять лѣтъ назадъ весьма дѣятельное участіе въ организаціи денежной и военной помощи сербамъ, возставшимъ противъ турокъ. Предсѣдатель взошелъ на кафедру и произнесъ рѣчь на тему: „мы не получили занумерованнаго отношенія изъ надлежащаго вѣдомства“. Говорилось о томъ, что помощь герцеговинцамъ въ настоящее время не можетъ быть оказана по независящимъ отъ комитета обстоятельствамъ, но что южные славяне несомнѣнно пользуются большимъ сочувствіемъ русскаго общества и что впослѣдствіи имъ помогутъ, хотя бы славяне и не обнаружили чувствъ глубокой благодарности и т. д., все въ томъ же минорномъ тонѣ, съ недосказами и недомолвками. Собравшаяся многочисленная публика ожидала другого и разошлась съ видимымъ недоумѣніемъ и недовольствомъ.

Понятно, что о формированіи добровольческихъ отрядовъ, о снабженіи возставшихъ оружіемъ и т. п. не можетъ быть рѣчи. Но дѣло помощи этимъ не исчерпывается. Помощь въ настоящее трудное для юго-славянъ время должна отлиться въ особыя формы, согласно особымъ условіямъ сложившихся европейскихъ отношеній и особому положенію дѣла на театрѣ возстанія.

Въ старинное, до-петровское время, когда Россія была бѣдна матеріальными средствами и просвѣщеніемъ, помощь сербамъ выражалась въ денежномъ пособіи монастырямъ, главнымъ образомъ, афонскому Хиландарскому монастырю.

Въ прошломъ столѣтіи возмужавшая русская держава стала подавать сербамъ военную помощь, кромѣ того давала убѣжище славянскимъ бѣглецамъ, напримѣръ, сербскому патриарху Беркичу, бѣжавшему въ Россію въ 1769 г. и открыла новороссійскія степи для сербскихъ поселенцевъ.

До половины нынѣшняго столѣтія только правительство входило въ сношенія съ юго-славянами. Русскаго об-

на родинѣ все имущество и въ лохмотьяхъ, безъ хлѣба, дрожащія отъ холода, ищутъ убѣжища въ бѣдныхъ черногорскихъ хижинахъ. Какъ велико можетъ быть количество бѣглецовъ, видно изъ предыдущей турецкой войны, когда маленькая Черногорія въ 120,000 человѣкъ кормила 67,000 пришлаго населенія, состоявшаго изъ немощныхъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Если возстаніе въ Герцеговинѣ и Далмаціи продлится, можно быть увѣреннымъ, что число бѣжавшихъ сравняется съ только что приведенной цыфрой или даже превзойдетъ ее. Черногорцы самый бѣдный народъ въ Европѣ, бѣднѣе ирландцевъ. Въ 1877 году во всей странѣ, за исключеніемъ небольшой княжеской казны, не насчитывалось денежной монеты на 100,000 руб. Понятно, какъ трудно маленькой странѣ прокормить массу пришлаго обнищалаго населенія и какъ умѣстна была бы матеріальная помощь со стороны славянскихъ благотворительныхъ обществъ, въ числѣ членовъ которыхъ находятся, между прочимъ, и директоры банковъ, единолично получающіе въ годъ столько дохода, сколько не получаетъ весь черногорскій народъ въ совокупности.

Н. Сущовъ.